

А.К. Глазунов: Возвращение

*«И все-таки ведущая домой
дорога оказалась слишком длинной...»*

*«Паутиной окованные углы
придают комнате сходство с чемоданом»*
И. Бродский

16 июня 1928 года через контрольно-погранично-пропускной пункт Негорелово за пределы Советского Союза выехал человек лет 60-ти с лишним. Багаж его не представлял собой затруднения для носильщика — всего пара чемоданов.

В графе «Сведения о предъявителе» его загранпаспорта было указано:

Время и место рождения — 29 июля 1865 г., Ленинград

Семейное положение — холост

Приметы: рост — высокий

глаза — карие

нос — прямой

волосы — шатен с проседью

Особые приметы — нет.

Сам паспорт был выдан 1 июня 1928 г. в г. Ленинграде и действителен был для выезда из СССР до 1 сентября 1928 г., а для проживания вне пределов СССР в течение 1 года со дня переезда границы.

Этот человек был известный русский композитор, директор Ленинградской консерватории Александр Константинович Глазунов. Он направлялся в Австрию, чтобы принять участие в заседаниях конкурсного жюри по присуждению премии имени Ф. Шуберта. По истечении срока командировки Глазунов должен был вернуться на родину, но почему-то задержался за границей.

Нарком, даже не требуя причины невозвращения, разрешает продлить срок пребывания за пределами СССР на один год, потом еще на один, и еще...

Так, по молчаливому уговору власть предержащих, композитору было разрешено навсегда оставить надежду снова увидеть родной город, войти в Консерваторию, которой он посвятил всю свою жизнь, увидеть друзей и коллег, настолько этот человек, глубоко порядочный, обладавший истинным аристократизмом духа, был неуместен в новом мире, несущемся, сметая все на своем пути, вперед, к светлому будущему.

И самому Глазунову, несомненно, нелегко было переносить ситуацию, сложившуюся в музыкальном мире Ленинграда 1920-х гг.

Вспоминая о полемике Глазунова и Асафьева, известный исследователь Абрам Гозенпуд пишет: «Разлука с родиной и консерваторией была для Глазунова бесконечно мучительна, но и возвращение в консерваторию — не менее тягостным...»

Уже к тому времени Александр Константинович был тяжело болен: миокардит, расширение вен, гипертрофия сердца. Вернуться и далее подвергаться нападкам со стороны разнокалибренных «Борисов и Глебов»¹ означало бы для него только одно — обострение болезни и скорую смерть.

Да и не мог человек с гипертрофией сердца вернуться в общество, где большинство страдало сердечной недостаточностью.

Вскоре после отъезда Глазунова к нему выезжают жена, Ольга Николаевна, и приемная дочь, пианистка Елена Гаврилова. Семейство обосновывается в Париже, ставшем к тому времени одним из центров русской эмиграции.

Несмотря на быстро ухудшающееся здоровье, композитор много работает, гастролирует (выступает в качестве дирижера, в том числе и совместно с дочерью), участвует в общественной жизни.

Но — «одиночество на миру — тягчайшее из земных одиночеств». А одиночество эмигранта — одиночество вдвойне.

Каковы бы ни были причины эмиграции, как бы хорошо не жилось человеку на новом месте — «эмигрантский хлеб всегда с горчинкой». Ощущение разлуки с родиной не есть единовременное переживание, оно накладывает свой невидимый отпечаток на все дела и чувствования человека и постоянно остается одним из векторов его душевной жизни.

¹ Так композитор в своих письмах намекал на Б.В. Асафьева, печатавшегося под псевдонимом Игорь Глебов.

«Невозможно человеку жить без родины, как невозможно жить без сердца» — сказал К. Паустовский. И все-таки приходится. Возможность невозможного доказали сотни тысяч людей, создавших явление, которое мы сейчас называем первой русской эмиграцией.

Когда человек долго живет вне дома, он естественным образом пытается создать вокруг себя его подобие.

«Дома и стены помогают». За неимением стен человек переносит функцию дома как некоей дружественной одухотворенной субстанции на те вещи, которые его непосредственно окружают, сопровождают его в разъездах, облегчают его существование: любимая удобная одежда, какие-либо необходимые мелочи, особенно же способны временно стать «и. о. дома» разного рода сумки, саквояжи, чемоданы, хотя бы благодаря своему внешнему сходству с помещением.

Таким образом даже предметы быта становятся очень важной частью жизни и многое могут рассказать о человеке. Что же говорить о музыкальных инструментах, которые по сути есть живые существа, и об исписанной бумаге, которая, являясь носителем информации, доносит до нас часть духовной составляющей его бытия!

Архив может дать нам то, чего не могут дать воспоминания друзей и знакомых, во-первых, по причине неизбежной субъективности, во-вторых, в силу невозможности адекватной передачи («мысль изреченная есть ложь»).

Архив позволяет нам непосредственно соприкоснуться с личностью ушедшего человека, и благодаря такой способности становится его репрезентатором в этом мире.

Судьба и местонахождение архива имеют большое значение для нас, отличающихся от всего сущего на земле именно памятью.

Наследие А.К. Глазунова включает комплекс материалов, в составе которых (по видам хранения):

- предметы изобразительного искусства, скульптура — 15 ед. хр.
- мемориальные вещи композитора и членов его семьи:
 - мебель — 41 ед. хр.
 - предметы декоративно-прикладного характера (осветительные приборы, вазы) — 23 ед. хр.
 - собственно мемориальные вещи (предметы гардероба, быта) — 212 ед. хр.

- рукописно-документальные материалы (письма А.К. Глазунова к дочери, статьи и заметки, письма разных лиц к А.К. Глазунову и членам его семьи, др.) — 2 939 е. хр.
- афиши и программы — 319 ед. хр.
- рукописные ноты — 72 ед. хр.
- печатные издания — 741 ед. хр.
- фотографии — 642 ед. хр.

Всего — 5 004 единиц хранения.

После войны дочь композитора, Е.А. Глазунова-Гюнтер, вывезла комплекс личных вещей из Парижа в Мюнхен и на протяжении всей жизни предпринимала усилия по созданию мемориального музея Глазунова на его родине, в Санкт-Петербурге.

В 1978 г. она завещала передать все, связанное с именем отца, в Россию при условии создания мемориального музея композитора.

После ее кончины в 1999 г. права по распоряжению и управлению наследием перешли к председателю фонда А.К. Глазунова в Мюнхене² Николаю Воронцову³.

На протяжении трех лет шел процесс передачи наследия А.К. Глазунова городу Санкт-Петербургу.

По причине невозможности создания мемориального музея-квартиры А.К. Глазунова в доме № 8–10 на улице Казанской, где родился и прожил всю жизнь до отъезда сам Александр Константинович, где жили его отец и дед, местом хранения наследия был избран Санкт-Петербургский государственный музей театрального и музыкального искусства.

21 февраля 2001 г. в Мюнхене генеральным уполномоченным и душеприказчиком Е.А. Глазуновой-Гюнтер господином Н.А. Воронцовым и СПбГТМТиМИ в лице директора музея госпожи И.В. Евстигнеевой был составлен Протокол о намерениях, в котором г-н Воронцов заявляет о намерении передать мемориальные вещи, в Музей — о готовности принять, хранить и экспонировать их.

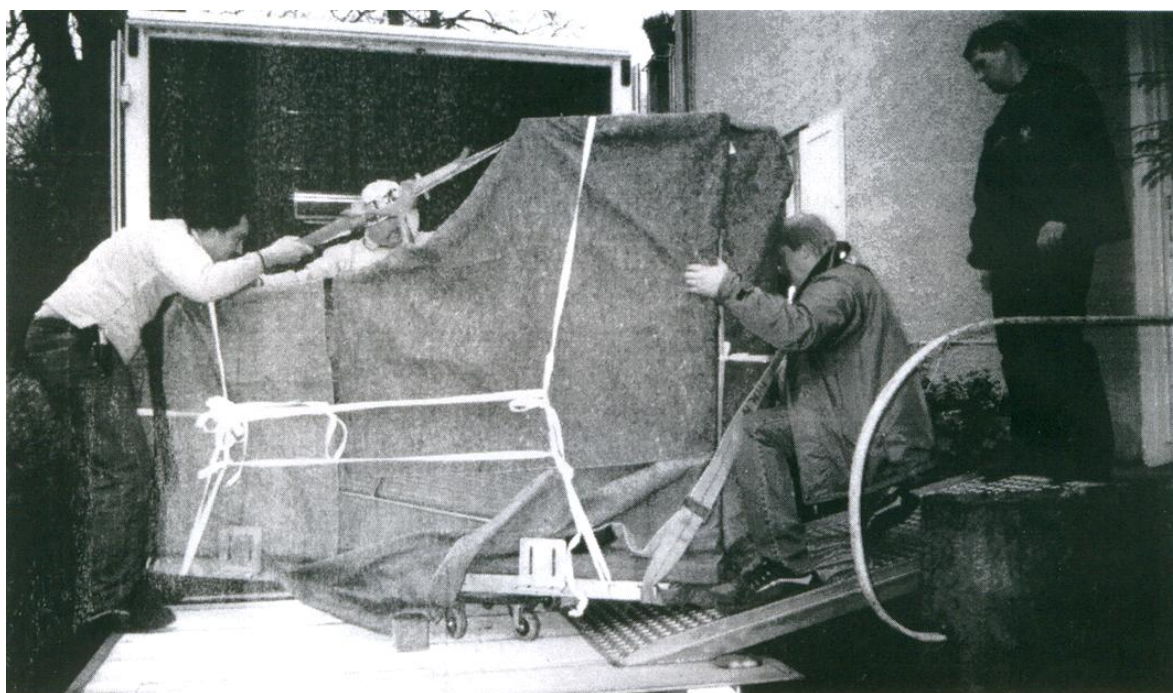
12 ноября 2002 г. между Благотворительным фондом имени А.К. Глазунова и СПбГТМТиМИ было заключено Соглашение.

² Alexander Glasunow – Stiftung, Am Perlacher Forst 190, 81545, München.

³ С 1970-х проживает в Мюнхене, работал на радио «Свобода».

На основании того, что мемориальные вещи представляют культурно-историческую ценность для России, а также в соответствии с волей Е.А. Глазуновой-Гюнтер, Фонд безвозмездно, в качестве благотворительного дара обязуется передать их городу Санкт-Петербургу в лице Музея, а Музей их принимает.

На основании Соглашения от 06.12.2002 г. представители музея главный хранитель Т.В. Власова, заведующая филиалом «Музей музыки в Шереметьевском дворце» О.А. Великанова и председатель Фонда Н.А. Воронцов составили Акт приема предметов на временной хранение.

30 мая 2003 года, в дни празднования 300-летнего юбилея Санкт-Петербурга в залах Музея музыки в Шереметьевском дворце состоялось торжественное открытие мемориальной экспозиции, посвященной заграничному периоду жизни композитора.

Мемориальный комплекс составили: рояль фирмы С. Bechstein, мебель (в том числе рабочий стол), концертная пара, дирижерские палочки, предметы быта, а также документы, освещающие историю отъезда Глазунова за границу.

Особо представлены материалы, посвященные Е.А. Глазуновой-Гюнтер, благодаря которой стал возможным сам факт создания этой экспозиции.

Внимание входящего посетителя сразу же приковывает к себе большой концертный рояль. Расположенный в центре зала, он является доминантой всего

комплекса. Затем взгляд движется, согласно законам восприятия, слева направо: витрина с концертным костюмом, афиши и программы, фотографии, снова рояль, письменный стол, и в самом конце осмотра — документы, связанные с отъездом и два дорожных чемодана: один высокий, темно-синий, с выдвигаемыми ящиками и встроенными вешалками для одежды, другой поменьше, с обитыми железом углами, сильно потертой кожей и множеством наклеек из разных отелей и гостиниц: Амстердам, Барселона, Гранада, Валенсия...

Видимо, этот чемодан не один год сопровождал, как старый надежный друг, своего хозяина в путешествиях.

И возникает ощущение непосредственного соприкосновения с жизнью великого музыканта, которое в дальнейшем намного больше, чем перечисление гастрольных поездок, может помочь при изучении и исполнении его произведений.

Возвращение последнего оставшегося за рубежом крупнейшего архива русского композитора, безусловно, стало событием в культурной жизни города.

Эти материалы никогда не изучались и нигде не публиковались. Они представляют огромный интерес для музыковедов — исследователей творчества Глазунова.

И несмотря на то, что почти все вещи, составляющие наследие, не были вывезены из России, а были приобретены за границей, передача архива — символ самого акта возвращения на родину, не совершившегося до смерти, но имеющего место после жизни.

Но пока вещи композитора вынуждены ютиться по «чужим квартирам», пока они не обретут собственного, единственного дома № 8–10 на улице Казанской, возвращение будет неполным.

Чемодан стоит в гостиничном номере.

Одиссея продолжается...

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

1. Беседы с главным хранителем Санкт-Петербургского государственного музея театрального и музыкального искусства Т.В. Власовой.
2. Бродский И. Часть речи. – М., 1990.
3. Воронцов Н. Архив А.К. Глазунова в Мюнхене // Мифы и миры Александра Глазунова: сборник научных статей. – СПб., 2002.

4. Документы по делу о передаче наследия А.К. Глазунова городу Санкт-Петербургу.
5. *Лосев Л., Вайль П.* Иосиф Бродский: труды и дни. – М., 1999.
6. Материалы выставки «Возвращенное наследие. А.К. Глазунов — последние годы жизни».
7. *Могильницкий В.* Святослав Рихтер. – Челябинск, Пермь, 2000.

Газеты и журналы:

1. Известия. – 2003, № 94.
2. Музыкальное обозрение. — 2001, № 2.
3. Невское время. — 2000, № 227.
4. Российская музыкальная газета. — 2001, № 1.
5. Скрипичный ключ. — 1996, № 1.
6. Советская культура. — 1981, № 52.